

Елена Старова,
НУГЗУ, Харьков

МЕССИАНСКИЙ МИФ В УКРАИНСКОЙ МИФОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ВЕРСИЯ ПАВЛА ТЫЧИНЫ

Ярким проявлением присущего модернизму пафоса тотального обновления (человека, системы ценностей, общества) стала масштабная реставрация в культуре XX в. мессианского мифа, опорными и открытыми для модификаций точками которого были концепты Спасителя (от Иисуса Христа, сверхчеловека Ницше, пролетариата К. Маркса до народов-мессий, лидеров-мессий), который должен был «изменить онтологический статус мира» [7], и мессианского царства (золотой век, Царство Божие, социалистическое или коммунистическое общество и т. д.). Такая актуализация идей мессианизма привела как к грандиозным социально-политическим проектам, так и к различным философским и художественным рефлексиям. В Украине начала XX в. века обращение к мессианскому мифу было связано прежде всего с развертыванием национально-освободительного движения, которое давало надежду на возрождение украинской нации как «Христа народов». Однако поражение национально-освободительной борьбы 1917–1922 гг., «красный» террор, упадок эпохи военного коммунизма принесли разочарование в обновляющем потенциале революции и обусловили кризис украинского мессианского мифа. Эти процессы нашли многогранное отображение в украинской литературе в целом и в мифософской лирике в частности.

Актуализированные П. Тычиной в 1917 г. мессианские мотивы стали «симптоматическими» для украинской мифософской лирики 1920–1930-х гг. Так, выразительные «отпечатки» мессианизма можно найти в лирике Н. Зерова (циклы «*Барышевка*» (1920) и «*Lucrosa*» (1921), а также сонетоид «*Барышівка*» (1920) и александрийский стих «*Lucrosa*» (1921)) и М. Драй-Хмары (стихотворение «*Я полюбив тебе на п'яту, голодну весну...*» (1922), сонеты «*Київ*» и «*Поділ*» (1930)). К мотиву «ухода» Богородицы вслед за П. Тычиной обратился в своём диптихе «*Божя Матір*» (1935) Юрий Клён. При этом для всех поэтов, учитывая трагические исторические коллизии, определяющим в

плоскости мессианского мифа было сочетание «возрожденческих мотивов» с предчувствием угрозы «национальной и литературной катастрофы» [4, с. 44].

В целом в развертывании мессианских идей в украинской философской лирике первой половины XX в. можно выделить три этапа: 1) национально-освободительная борьба 1917–1918 гг. (П. Тычина); 2) послереволюционные 1920-е гг. (отчасти П. Тычина, Н. Зеров, М. Драй-Хмара); 3) «расстрелянное возрождение» 1930-х гг. (отчасти М. Драй-Хмара, Юрий Клён).

Произведения первого этапа в основном наполнены жизнеутверждающим и героическим пафосом, который, однако, со временем заменяется колебанием лирического героя между верой в победу украинской мессианской идеи и осознанием ее обреченности. Стихотворения второго этапа преимущественно наполнены верой в интеллигенцию-мессию, способную воскресить национальные ценности и духовность, однако в то же время в них отчетливо звучат сомнения в возможности такого возрождения. Третий (заключительный) этап развития украинского мессианского мифа – засвидетельствование его окончательного краха.

При этом П. Тычина, Н. Зеров, М. Драй-Хмара и Юрий Клён для художественной реализации мессианского мифа широко используют ключевые образы-символы и мотивы библейского (в частности евангельского) текста. Наиболее частотными и в значительной степени общими для поэтов являются **образы Иисуса Христа, Божьей Матери, пророков, Голгофы, креста**, а также **мотивы распятия, крестных мук, воскресения**. Кроме того, в текстах всех авторов присутствуют многочисленные библейские аллюзии. В то же время образ Иисуса Христа в их лирике наполняется оригинальным содержанием, являясь олицетворением украинского народа-мессии. Так же и **образ Божьей Матери** в лирике П. Тычины и Юрия Клёна можно трактовать как олицетворение Украины, народ которой во время национально-освободительной борьбы не смог реализовать свой мессианский потенциал. Другой общей чертой для творчества поэтов является то, что сакральным центром возрождения, который по знаковости приравнивается к библейскому Иерусалиму, в их мессианских визиях становится Киев.

П. Тычина, первым среди названных авторов обратившийся к мессианскому мифу, достаточно широко представляет его в своей лирике, осуществляя драматическое движение от полной пафоса национального воскресения поэмы «*Золотий гомін*» (1917)

к изображению гибели украинской нации, «замученной как Христос» [3, с. 89] в водовороте революционных событий, в поэме «Скорбна мати» (1918) и картинам революции, ведущей не к возрождению, а к гибели украинского народа-мессии, в стихах сборников «Замість сонетів і октав» (1918–1920) и «Плуг» (1920). Несмотря на то, что мотивную систему этих поэм и сборников уже исследовали Г. Клочек, Ю. Лавриненко, С. Ленская, О. Поляруш, Ю. Титаренко и др., мы считаем необходимым остановиться на них подробнее, чтобы расставить нужные акценты и таким образом включить П. Тычину в общую картину развертывания мессианского мифа в украинской мифософской лирике. Соответственно цель предлагаемой статьи – рассмотреть творчество поэта сквозь призму реализации в нем идей мессианизма.

В сборнике «Сонячні кларнети» (1918) мессианский миф реализуется в поэмах «Золотий гомін» и «Скорбна мати». В первом произведении он связан прежде всего с **мотивом золотого гула** как символа воскресения украинской нации, пробуждения ее славного прошлого: «*Предки встали з могил; / Пішли по місту... / Човни золотії / Из сивої-сивої / Давнини причаляють...*» [6, с. 82]. То есть происходит возрождение прежней княжеской и казацкой государственнической славы, центром которого выступает Киев: «*Розвивши ясні короговки / <...> Вогнем схопився Київ / У творчій високості!*» [6, с. 83]. Мотив творчества выступает в этом контексте важным признаком народа-мессии, который является демиургом и одновременно мирным воином, ведь «*воювать хотів безкровно*» [6, с. 83].

Кроме того, этот «*дужий*» и «*молодий*» [6, с. 85] народ обретает в произведении другие традиционные черты мессии. Во-первых, у него есть благословение святого-покровителя – апостола Андрея Первозванного подобно тому, как юный Иисус получил благословение от старца Симеона (Лк. 2: 28–29). Во-вторых, народ-мессия вдохновленный Святым Духом – духом вольности: «*Я – негасимий Огонь Прекрасний, / Одвічний Дух*» [6, с. 86]. В-третьих, в произведении отчетливо звучат **мотивы распятия и воскресения украинского народа**, который «*легенько скинув*» с груди «*гори каміння*» [6, с. 86], чтобы возродиться и создать новый мир. Наконец, доминантный в поэме золотой цвет закрепляет такие аллюзии, являясь христианским символом света и святости [5].

Наряду с возрожденческим пафосом присутствует в бытийной перспективе «*Золотого гомону*» и настроение тревожности, связанное

прежде всего с **мотивом чёрной птицы**, у которой «*очі – пазурі*» и которая вынимает «*із серця віру*» [6, с. 85]. В авторском мессианском мифе эта птица олицетворяет деструктивные силы действительности, в частности междоусобную борьбу, всегда мешавшую украинскому народу возродить государственность. Но в целом картина национального пробуждения все же предстает в «*Золотому гомоні*» в светлых тонах.

Эта тональность меняется на контрастную в хронологически более поздней поэме «*Скорбна мати*» (1918), которая становится емким отображением трагических событий первых лет (1917–1918 гг.) гражданской войны в Украине и их значения для краха национальных мессианских идей. Центральным в произведении является уже образ не Спасителя, а **Марии** (Богородицы), выступающий символом Украины (на что намекает уже отчетливо украинский пейзаж). Именно страдания Божьей Матери и поиски сына Христа (то есть борцов за независимость) составляют лирический сюжет.

Ключевыми в поэме становятся мотивы братоубийственной войны и кровопролития: «*Мовчать далекі села / В могилах поле мріє*» [6, с. 72]. Украинский народ-мессия, стремившийся к мирному развитию, оказался не готовым к кровавой борьбе, поэтому терпит поражение и его вновь распинают. И с **мотивом распятия** в этом случае не сочетается **мотив воскресения**, как в евангельском тексте, ведь возрождение украинской нации не происходит: «*Христос воскрес? – не чула / Не відаю, не знаю*» [6, с. 72]. При этом звучит страшное пророчество: «*Не будь ніколи раю / У цім кривавім краю*» [6, с. 72]. Ведь, по мнению П. Тычины, придерживавшегося евангельской системы ценностей, рая нельзя достичь путем кровопролития, зло не может породить добро. Подтверждением этого становится гибель Богоматери, которая «*не витримала суму, / Не витримала муки*» в мире, где «*людське серце до краю обідніло*» [6, с. 73].

Примечательно, что, формируя сборник «*Сонячні кларнети*», П. Тычина, вопреки хронологии написания, сделал заключительным произведением именно «*Золотий гомін*», а не «*Скорбну мати*» или какое-нибудь другое стихотворение. Возможно, таким образом поэт хотел подчеркнуть, что, несмотря на реалии эпохи, он еще верит в возможность национального возрождения.

В следующих сборниках П. Тычины «*Замість сонетів і октав*» и «*Плуг*» мессианские мотивы реализуются уже в значительно меньшей степени и лишены героического пафоса: его место занимают

отчаяние и безысходность. Роль мессии поэт «примеряет» уже не на весь украинский народ, а на интеллигенцию, в частности на писателей. Модифицируется и задание Спасителя: он должен позаботиться о возрождении и сохранении прежде всего духовности украинского народа, воспринимаемой как залог дальнейшего национального и государственного воскресения.

В сборнике *«Замість сонетів і октав»* мессианский миф выступает более завуалированно по сравнению с рассмотренными поэмами и реализуется через отдельные евангельские аллюзии, скрытые, в частности, в символике ключевых в этом ракурсе **образов чабана и зверя**. Так, образ чабана отсылает к евангельскому аллегорическому представлению Иисуса Христа как Доброго Пастыря, Учителя для своего заблудшего народа (Лк. 15: 3–7, Мт. 18: 12–14). Именно такую функцию должна выполнить в украинском постреволюционном обществе интеллигенция, главная миссия которой – *«посадовити культуру»* [6, с. 129]. А пока этого не произойдет, в стране, по мнению П. Тычины, будет царить *«жорстокий естетизм доби»*, когда *«людина, що казала: убивати гріх! – на ранок з простреленою / головою»* [6, с. 131], а *«звір звіра їсть»*, то есть происходит братоубийственная война между людьми, потерявшими связь с Богом и уподобившимися хищникам. Представленный в сборнике **образ зверя** можно рассматривать с точки зрения Откровения Иоанна Богослова как символ дьявольского начала (Откр. 13), которое царит в обществе, охваченном гражданской войной. В связи с этим процитированные строки звучат как прозрачная библейская аллюзия: *«И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя»* (Откр. 13: 15).

В итоге в Украине царят *«злидні – як гудина, як гич!»* [6, с. 145], что прежде всего касается духовности. **Образ бурьяна** апеллирует к евангельской притче о сеятеле, боговдохновенное слово которого в сердцах людей вытеснили житейские хлопоты (Мт. 13: 1–23). Интеллигенция-мессия призвана преодолеть этот духовный кризис и восстановить связь людей с евангельскими ценностями. Поэтому именно к ней обращается лирический герой сборника, прося: *«Без конкурсів, без нагород напишіть ви сучасне / «Христос воскрес»* [6, с. 146], что можно воспринимать как призыв создать нечто сущее и высокоморальное, способное заполнить духовную пустоту, которую породила в украинском обществе гражданская война.

Выделенные мотивы остаются доминантными и в сборнике «Плуг», однако звучат в нем уже менее отчетливо. Показательным с точки зрения развертывания украинского мессианского мифа является стихотворение «*І Бєлий, і Блок, і Єсенін, і Ключєв...*», в котором возникает **образ «сторостерзаного Києва»** [6, с. 91], в отличие от того сакрального центра, каким город был в поэме «*Золотий гомін*». Это свидетельствует о нереализованности украинской мессианской идеи по сравнению с российской. Такое видение П. Тычина подчеркивает, упоминая в первой строфе стихотворения фамилии поэтов-апологетов российского мессианизма и подавая реминисценцию на строки поэзии Андрея Белого «*Родине*»: «*Россия, Россия, Россия – Мессия грядущего дня*» [1], – в которой звучит надежда на то, что «*сухие пустыни позора, / Моря неизливаемые слез*» должен «*лучом безглазого взора*» согреть «*сошедший Христос*» [1]. «Диалог» с этим произведением П. Тычина продолжает во второй строфе, прямо указывая на воскресение России в «советском» формате: «*Там скрїзь уже: сонце! – співають: Мєсія!*» [6, с. 91], – тогда как реалиями Украины всё еще остаются «*тумани, долини, болотная путь*», «*грїм од повстань*» [6, с. 91].

На фоне такого глобального краха национальных возрожденческих стремлений лирический герой П. Тычины выражает надежду на то, что в конце концов в Украине появится достойный лидер, который поведет ее к государственности, что реализуется через библейский **образ пророка Моисея**, освободившего свой народ из рабства, давшего ему закон и приведшего в «землю обетованную» (Книги Исход и Второзаконие): «*Воздвигне Вкраїна свогого Мойсея, – / не може ж так бути!*» [6, с. 91]. Такую мессианскую роль поэт возлагает на писателей: «*Під регїт і бурю, під грїм од повстань / од всіх своїх нервів у степ посилаю – / поете, устань!*» [6, с. 91].

Однако, как показывают остальные стихотворения сборника, ожидаемое возрождение так и не происходит. И его невозможность снова обозначена через **мотив кровопролития**, остановить которое своим словом писатели не способны. Это ярко продемонстрировано в стихотворении «*Мєсія*», согласно лирическому сюжету которого приход Спасителя «приветствуют» насилием и убийствами: «*Хтось кине слово п'яне: / – В розстріл! на тротуар! <...> Калїка, поспїшаючи кудись, наступить на дитину, / І всі будуть кричать без упину: – Мєсію! Вітайте Мєсію! <...> / І кров смертний екстаз перетворить у мрію*» [6, с. 101]. Морально бедное постреволюционное общество

оказывается неспособным на воскресение, и П. Тычина окончательно разочаровывается в национальной мессианской идее.

Вследствие духовного кризиса и внешнего давления поэт склоняется в конечном итоге к социалистической риторике и начинает последовательно воспевать ее мессию – пролетариат, который должен победить «*тьму прокляту*» капиталов и построить «*вільну родину*» из «*тисячей тисяч комун*» [6, с. 350]. Подобные мотивы звучат уже в отдельных произведениях «*Плуга*» и последовательно реализуются в сборнике «*Вітер з України*» (1924). Вслед за переосмыслением образа мессии в мифе П. Тычины меняется и трактовка других элементов библейского кода, в частности **образа Пасхи**. В новой модели это уже праздник не воскресения Христа, а возрождения Украины в другом статусе – как советского государства (поэзии «*Великдень*», «*Перше травня на Великдень*» (1921)). К середине 1920-х гг. П. Тычина в своем творчестве окончательно меняет «курс», отказываясь от национально-освободительного мессианского мифа украинского народа в пользу советского мифа пролетариата-мессии.

В целом, как можно убедиться, мессианские идеи нашли в творчестве П. Тычины довольно многогранную и своеобразную реализацию прежде всего через евангельский код. Мотивная система его лирики при внимательном прочтении позволяет проследить развитие возрожденческих надежд, которые определенное время господствовали, а затем были жестоко искоренены из сознания тогдашнего украинского общества. На наш взгляд, такая возможность является чрезвычайно интересной для более глубокого изучения «климата эпохи». В то же время мессианские проекции поэта несут «послание» непреходящей ценности: причинами поражения национального мессианства стали духовная слабость и разобщенность украинского народа, нестабильность и обесценивание ценностей в постреволюционном обществе.

Литература

1. Белый, А. Родине / А. Белый // Антология русской поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Belyiy/80.htm>. – Дата доступа. – 15.06.2015.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: в рус. пер. с парал. местами. – М.: Библейское общество, 1993. – 1376 с.
3. Ленська, С. «Хай звіра в собі не плекають...»: Історіософська концепція «національної трилогії» Павла Тичини / С. Ленська // Рідний край. – 2007. – № 2. – С. 87–92.
4. Наєнко, М. Микола Зеров і питання неокласицизму / М. Наєнко. – Слово і час. – 2008. – № 11. – С. 38–48.

5. Потапенко, О. І. Словник символів [Електронний ресурс] / О. І. Потапенко, М. К. Дмитренко, Г. І. Потапенко та ін. – Режим доступу : <http://ukrlife.org/main/evshan/symbol.htm>. – Дата доступу. – 15.06.2015.
6. Тичина, П. Зібрання творів: у 12-ти т. / П. Тичина; за ред. О. Т. Гончара. – Київ: Наук. думка, 1983. – Т. 1 : Поезії. 1906–1934. – 735 с.
7. Элиаде, М. Мифы современного мира / М. Элиаде // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_SovrMir.php. – Дата доступа. – 15.06.2015.